

СВЕТЛЯЧОК

14.10.2013

№10 (31) Октябрь 2013 года

• Встречи

В город приехала «радуга»

Каждое лето на Каблуковские литературные встречи, которые чаще называют «Каблуковской радугой», устремляются поэты из различных регионов страны, так популярен он стал. Но в наш город «Каблуковская радуга» пожаловала сама. Точнее: Владимир Львов – организатор и вдохновитель фестиваля, его художественный руководитель, председатель Тверского содружества писателей; Иван Демидов – заместитель председателя ТСП, постоянный член жюри ежегодных поэтических конкурсов; известный в Твери композитор и исполнитель Владимир Межанин, также стоявший у истоков этого фестивального движения; Фёдор Иванов – молодой поэт, лауреат конкурса. Все они члены Союза писателей России.

Собравшиеся в библиотечном зале любители поэзии, местные авторы, поэты из Нелидова и Пено не были разочарованы. Два часа они с удовольствием слушали выступления гостей. А потом мы получили такие сообщения:

«Я до сих пор под впечатлением от встречи. Но я ожидала, что будет так, а вот Валя первый раз общалась с ними, теперь и на Каблуки собирается ездить. Она не ожидала, что будет так здорово! Меня все поэты вдохновили».

«Жалко, что так быстро для нас закончилось, как всегда после хороших встреч кажется, что недообщался».

«Это по-настоящему народное, истинное. Спасибо Вам».

А для поэтов западной зоны области событие это стало вдвойне приятным: после концерта состоялся приём в Тверское содружество писателей. Теперь в его рядах состоят андреапольцы Владимир Юринов и Маргарита Петрова, Галина Андреевко из Пено, Пётр Бобунов, Игорь Столяров и Людмила Кузнецова из Нелидова.

НА СНИМКАХ: выступают гости из Твери; зрители слушают внимательно; интересный кадр: успеть запечатлеть; чаёк на дорожку.

(продолжение, начало в №13(21) за 2012г., №1(22) - №9 (30) за 2013г.).

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

Дневники 1980 – 2012 гг.
1992

24.03.

Мир полон гармонии в том случае, если он – тайна. Таков он в детстве, когда душа не успела огрубеть, обрасти коростой ненужных и тяготящих её знаний (не всегда бесспорных и нужных). Только в детстве большинство людей с безотчётным немым восторгом глядит в небо, ныряет под воду, убегает в поля, в лес, уходит в горы, словом, к чёрту на кулички, восхищаясь гармонией и полнотой мира не рассуждая. Став взрослыми, лишь некоторые сохраняют это первозданное чувство полноты.

Надо найти тайну, чтобы найти истину. Но ведь найденная тайна уже не есть тайна! Найденная истина – есть ли истина?!

9.04.

Легко полюбить прекрасную, сытую, экзотическую (в некотором смысле) Россию; труднее – с изъязвлёнными ногами и измученным лицом. У меня уходит первое – растёт второе.

Россию постоянно учили все, кому не лень. Чему она научилась?! Но и слова, что Россия когда-то и кому-то преподнесёт урок(-и), для меня тоже бессмысленны. У России ещё не было хорошего учителя, который смог бы её чему-либо научить, не говоря о том, что она кого-то там смогла б чему-то научить (просто за отсутствием времени!). Все (за исключением одиночек) шли сюда, чтобы попользоваться на счёт её. Так что, если Россия и училась, так на собственных ошибках и на бессовестности и беззастенчивости Гостей. Так было, так есть, что будет в ближайшем будущем – угадывается.

России надо копить свой опыт – без «Учителей».

10.04.

Странно страшные сны последнее время снятся. Сны-состояния. Бессюжетные. Кажется, что не сплю, и, наверное, – не сплю действительно. А, между тем, и тело (до холодной дрожи) и душа охвачены ужасом, но это не ужас-действие, а ужас-состояние. Общее состояние ужаса, в котором весь я будто купаюсь. Кошмар. Дошёл до ручки.

11.04.

Я осознаю в себе три человека: двое спорят друг с другом о смысле бытия, а третий бесстрастно наблюдает за тем, как первые двое сходят с ума.

29.05.

Через неделю надо ехать на сессию. А я не готов к ней. Частью это от лени, развивающейся по временам во мне слишком сильно и определённо, частью от отсутствия свободного времени (когда не мучит лень), а частью от того сумбура в семье, который мешает сосредоточиться на работе.

«Философия истории по Льву Толстому» идёт туго, хотя тема и интересная. Кажется, что нравственно, этически Толстой был в своей концепции истории более прав, чем его оппоненты. История ведь не только «черепки» (и не столько!), но и движение психически организованной материи: «страсти роковые» играют важнейшую роль (часто немотивированную объективно) и они – к сожалению или к счастью? – непредсказуемы. И историю можно моделировать на основе сослагательного наклонения, потому что она – под нашими ногами: каждый шаг – уже история; и нужно (и важно!) просчитать поставить ногу на твёрдую почву.

30.05.

Вчера ездили школой на Шарыгинское озеро. Почти – «турпоход»... на грузовике. Но целый день отдыха, о котором мечтал чуть ли не несколько столетий. На солнце за день загорел-сгорел. Кожа болит. Внутри – рай. Сегодня (для внешнего) друг – сметана. Но отдохнул. Хотя...

Лень не проходит. Утешаю себя ласковым словом – со-зер-р-р-цательность. Отчасти помогает. Но чаще думаю, что это слабое утешение в моей разумно-бестолковой жизни.

05.06.

Приехал сдавать сессию. Был на годовщине венчания у Лёши и Эллы Шевчук. Было тепло и весело.

Жизнь «в рамках» - не получается. Налицо отсутствие воли и ещё чего-то очень важного. Напиваюсь, хотя и редко, но – не пью. Вино ничего не заглушает и ничего не обостряет. Только пустота. Хотя, иногда, и ... отдых. Но чаще – противен сам себе и жалость о потерянном времени.

(продолжение на стр.3).

(начало на стр. 2)

Всё яснее предчувствие того, что сессию завалю. Ну и ладно!

15.07.

Сессию сдал на «гос. оценки» - «3».

Теодор Драйзер. «Сестра Керри» – вполне женская история. У кого ярче тряпка, к тому и тянется. Хотя не без природных дарований героиня. Но она женщина – работа чувств и желаний, сильнее работы ума, поэтому много неудовлетворённости своею жизнью. Финал слабо намекает на возможную диалектику души и ума и чем-то напоминает «Огоньки» Короленко. Вообще, надежда на завтрашнее «авось» у людей сильна, и, как это ни странно, часто у людей потенциально талантливых. Вероятно, талант никогда не может быть удовлетворён настоящим, которое для него обыденно и скучно, серо, банально. «Только грядущее – область поэта». Ах, символизм!

«Американская трагедия» - вполне мужская история. Но и в ней и в «Сестре Керри» фон – рубеж столетий. Если взять срез разных литератур по произведениям этого времени, получится интересное фото этой эпохи (Драйзер, Голсуорси, Р. Роллан, Манна, Акутагава, Пруст, Джойс, Бунин, Горький, Белый, Блок и др.). Есть внациональный запах времени, эпохи, и при всём различии (Гамсуна, например, от Голсуорси или Чехова, Бунина и Зайцева от Джойса) авторских стилей, взглядов, культурных и социально-политических позиций, национальных корней – везде видна заявка XX века на своё пришествие.

08.09.

Телесериал «Богатые тоже плачут» – индикатор, который показывает, какой же дефицит испытывает русский народ в интеллектуальной и духовной (вернее: душевной) сферах жизни. В интеллектуальной потому, что трудно поверить в то, что столь богатый исторически народ до упомрачения смотрит столь бедную мыслью картинку; душевно – потому, что даже примитивные, по большей части, чисто импульсивные, полуфизиологические, полумеханические даже, движения души большинством принимается за эталон духовно-душевной жизни. Как печально глубоко мы опустились. И это Русь?! И это Россия?!

17.09.

Читал газеты. Это против моих правил и устоявшихся привычек. Не понимаю, где ложь, а где – правда; чувствую только одно: во всём прочитанном ни на грош истины. А может быть это потому, что чтение газет не сделал своей привычкой? Но причём здесь привычки?

06.12.

Нам же с самого начала перестройки очень внятно и громко заявляли: это революция. Да где же и когда же бывало, чтобы революция – да без грязи и крови? Но только в России брызги грязи и крови могут запачкать целое столетие, если не два. А какая эйфория была лет пять-семь назад!

09. 12.

Бог создал человека разносторонним, не укладывающимся в какую-либо одну рамку, поэтому настаивать на существовании, точнее – приоритете, только какой-либо одной ипостаси человеческого бытия (духовной ли, разумной ли) не только не умно, но и противно Богу.

1993

18.04.

Лосский. «История русской философии». Философ утверждает, что политика Петра I привела: с одной стороны, к возникновению и «распространению вольтерианства с его вольнодумством»; с другой – к стремлению проникнуть в сокровенные глубины религии, найти сущность «истинного христианства» и воплотить его в жизнь. Если проецировать это положение на дальнейшую русскую историю, можно «вывести» (найти) генетические корни той ситуации, которая сложилась в России в конце XIX – начале XX века: с одной стороны – распространение марксизма (которому отдали дань и многие известные русские религиозные мыслители), в том числе и в его наиболее грубо-рациональной форме марксизма-ленинизма; а с другой – высочайшее развитие религиозной философии (особенно в её нравственно-этической ипостаси): от Соловьёва до Флоренского и Лосева, до Бахтина и др.

Думается, что это всё – результат не только деятельности Петра I, но и ещё ранее – Раскола. Это как при цунами: эпицентр в одном месте, а гигантские волны разрушают всё на своём пути на расстоянии десятков сотен километров от него. Это происходит не только в пространстве – во времени тоже. Петр I – только резонатор.

(продолжение следует).

• Гости клуба

Виктор Голубев

г. Нелидово

Осень, вечер, припарок,
Вниз туман заструился,
Солнца красный огарок
Тихо в лес закатился.

Закричала сорока:

«Я весь день стрекотала,
Ой, какая морока,
Я, наверно, устала,

Я весь лес облетела,
Все накормлены дети,
Всё, конечно, успела,
Всех шустрей я на свете».

Я сижу, улыбаюсь,
И люблюсь закатом,
И вникать не стараюсь
В разговоры пернатых.

Но сорока досадна,
Раззадорить её лишь,
Стрекотать будет складно,
Коль её не прогонишь.

Надоела, хоть тресни,
Я подался до дома,
А она свои песни
Пусть стрекочет другому.

* * *

Замучает бессонница –
Ищите вы меня,
Где демон ночи гонится
За ангелами дня.

Где леший, весь простуженный,
Ломает ветви зря,
Где в вышине завьюженной
Купается заря.

Там, где туман всклокоченный,
Закрыл вуалью мрак,
Где звёзды приколочены,
А к ним – луны пятак.

Где искры зажигаются
От пламени костра
И к звёздам устремляются
В мир сказок и добра.

Вас встретила одна зола
Потухшего костра?

Меня дорога позвала,
А здесь я был – вчера.

* * *

Задумчива притихшая деревня,
Средь леса, незатейлива, проста,
Не молода, но и не очень древня,
Как будто, к нам сошедшая с холста.

На солнце окнами белёсыми взирая,
Быть может, она бредит о былом:
Как дети малолетние, играя,
Резвились на крылечке перед сном.

Осталось всё во времени советском:
Пыль на дороге, ржанье лошадей,
Песнь задушевная на посиделках светских,
Спокойный, добродушный вид людей.

Низины нынче заросли бурьяном,
Дороги спрятал под собой ковыль,
Крылечек нет; сбежав по крышам драным,
В домах сквозняк сдувает тихо пыль.

Задумчива притихшая деревня,
Уже не возродить крестьянский быт.
И перед сном, вбирая луч последний,
Решает, видно, «Быть или не быть?»

* * *

Мне приснилась девчонка
В конопущечках вся,
Голос мягкий и звонкий,
Волос цвета овса.

И взволнованный ветер
Разметал, как копну,
Самых русых на свете
Легких прядей волну.

Встрепенулися брови
И поймать их нельзя,
С ясным солнышком вровень
Светят лаской глаза.

Щебетанье наивно,
Говор чудный такой,
Цвета спелой малины,
Губы спорят с зарёй.

И в стремлении мягком
Вся свежа и светла,
Как подснежник, дикарка
Красотой расцвела.

Ты во сне прилетела
И тепла, и нежна...
Тут кровать заскрипела,
Заворчала жена.

• Молодые голоса

Артём Леоненков

г. Белый

Артём родился в городе Белом
28 апреля 1990 года. Окончил
Тверской политехнический
университет в прошлом году.
Работает в Твери.
Системный администратор.

* * *

Время жалось и тужилось,
истекая каплями секунд,
бегало белкой в ужасе,
как будто бьют и секут.

Каждой осенью спрашивать
доживём ли мы до тепла
у больной, беззубой и страшной
собаки природы. Тела

доживут, может быть, а души?
Когда морозы загонят в норы,
не станут ли глуше и суше?

А знаешь, родной мой город,
да и вся Родина слушай!

Я отдаю вам свою
чёрно-прекрасную душу.

Клюйте и жуйте, я устою!
Скудносердием чтоб не болели
во время снегов и метелей,
души открываю проспект,
пешеходьте, набирайте разбег.

Что? не хотите? ладно...
в сторонке стоите стадно...
сжавшись, как инфузория,
убегу в стыде и позоре я.

Горбуном уползу в Нотер-дам,
спрячусь, закроюсь и там
из желчи и раненных слов
буду готовить бомбы стихов,

ста тысячами Везувиев
извергая своё безумие.
И, кроме рассматра социотем,
наблюдать ежедневно за тем,

как, разбившись на части
от алкоголя, травы и счастья,
на танцполе безвременья
подыхает моё поколение.

* * *

Мимо рисунков на стенах,
мимо помоек, домой,
как в чёрно-белых сценах
из немого кино,
по мостовым и мостам
города, совсем не похожего
на Амстердам
и даже не схожего
с солнечным Рио,
шатаются косо и криво
мои бесноватые мысли.
А тело болезненно киснет,
ведь случилась зима.
Финал! Казнена!
улица, а с ней и надежды
задушены ватной одеждой.
Кто-то курит на лестнице,
зализывая старые раны.
Кто-то желает повеситься
в ожидании нирваны.
А действительность вытекала
из промокших угольных глаз
и смеялась слюнявым оскалом
над банальностью фраз.

* * *

Вот и всё. Приехали. Осень.
Скажем, давай вечером в восемь
ляжем на рельсы промозглых скамеек,
будем лежать, пока не стемнеет.
Смотреть вертикально в небо,
а оно посмотрит на нас
миллиардами километров
миллионов далёких глаз.
Кто-то с такой же грязной
планетишки «Т» с существами,
бредущими так же бессвязно
в связи со своими делами,
лежит и вот так же дарит
тепло обнаглевшей улице.
Луна (но своя), как фонарик,
заставляет их чуточку жмуриться...
Сентябрь старел всё быстрее,
теряя волосы-листья,
стонал, кровоточил в сквере
потоком кленовых кистей.
А мы прижались близко-близко,
точь-в-точь магниты и металлы,
и небо рухнуло так низко,
когда нечаянно узнало:
мы – отраженье в зеркалах
тех, кто живёт в других мирах,
пространствах, временах,
что мы увидели во снах.

- Новое имя

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА БРОДИЛА

Наше с Ириной знакомство в «Одноклассниках» состоялось в 2012 году. Она прислала такое письмо: *«Маргарита, а где Вы живете в Андреаполе? В самом городе или в окрестностях. Дело в том, что в силу моей судьбы – ребенка военного отца – мы побывали в очень-очень многих местах, мне довелось жить и недалеко от Андреаполя в селе Костюшино, там стояла в свое время воинская часть, которая охраняла колонию. Во втором – четвёртом классах я училась в Костюшино, а потом уже переехала в Монино Нелидовского района; а 1 классе я училась в Старицком районе в Молоково-Кореничино. Вот такая я путешественница, так что вся Тверская область мне родная».*

Ирина регулярно заходила на мою страничку, интересовалась поэтическими делами нашего литературного клуба «Светлячок»:

«Маргарита, а кто организовывал фестиваль? Его даже по местному телевидению показали. Хороший репортаж получился, профессиональный».

Делилась воспоминаниями о своём андреапольском детстве:

«А у меня в Костюшино осталась подружка школьных лет Наташа Ивановская, может быть, у Вас случайно есть там знакомые, может, они Наташу знают?»

У нее есть младший брат Коля Ивановский, он-то уж точно фамилию не поменял, может, его удастся найти. Буду очень благодарна».

В нынешнем августе пришло от неё очередное сообщение:

«У вашего клуба такое красивое название "Светлячок", дарящий свет в темноте ночи. Можно, мы будем вашими виртуальными членами клуба и станем участвовать виртуально в ваших мероприятиях, а может, когда и сами приедем. Или вы к нам. У нас в Москве есть такие Лито, куда приезжают литературные клубы из провинции, и им предоставляется возможность рассказать о клубе и выступить».

И вот тогда я решила зайти на её страничку, а не ограничиваться обычными короткими ответами. Ведь человек так живо интересуется нашей творческой жизнью. Возможно, и она имеет какое-то отношение к литературе?

Каково же было моё удивление, когда на снимках увидела Ирину на различных поэтических встречах и форумах, в компании известных творческих людей. А ведь чуть ли не за два года нашего виртуального знакомства она ни разу не обмолвилась об этом! С её разрешения посмотрела её поэзию на Стихи.ру, прочла краткие биографические данные. Вот они:

«Михеева Ирина Фирсовна. Поэт, писатель-фантаст, сказочник, журналист, художник.

Родилась 28 августа 1955 в деревне Фёхтельма Плисецкого района Архангельской области. Сейчас на этом месте расположен Плисецкий Космодром.

Автор 17 книг и 30 публикаций в сборниках в соавторстве. Произведения переведены на украинский, испанский и немецкий языки. Член Союза Писателей, Член Международной Гильдии Писателей, Член Международного Творческого Объединения Детских Авторов.

Награждена дипломом и медалью от Русской Академии Наук и Искусств за выдающиеся достижения в литературной деятельности.

Награждена дипломом и медалью Международного конкурса «Ее величество книга!» в номинации «Сотворение» за лучшие поэтические сборники отечественных и зарубежных авторов на русском языке, за книгу «Счастливая звезда».

Награждена почётной грамотой и медалью Открытого Литературного Клуба «Отклик»: «за верное служение отечественной литературе и достижения в области поэзии».

Награждена серебряной медалью и дипломом от творческого Союза Работников Культуры, Академии Российской Литературы и Литературно-музыкального объединения «Избранники Муз» за философскую лирику.

Надо ли продолжать. Не лучше ли просто познакомить читателя с её творчеством? Что мы незамедлительно и делаем.

НА СНИМКЕ: Александр Добронравов, автор песни "Как упоительны в России вечера" и Ирина на международном конкурсе «Журавли над Россией».

(продолжение на стр.7)

Ирина Михеева

п. Костюшино –
г. Москва

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Что-то вновь разбудило,
Возвратило от снов.
Память детства бродила
Меж крутых берегов.
По песчаным откосам,
Где бездонные воды,
Разбросав свои росы,
Водят звёзд хоророды.
Там стоят и поныне
И глядят с крутизны
Под ветрами шальными
Наши детские сны.

28 АВГУСТА

День рожденья.

Радостная грусть.

Год отмерен, жизнь не бесконечна.
Верить в счастье вовсе не боюсь,
Хоть и в мире радость быстротечна.
День рожденья.

Радостная грусть.

Торты, смех, подарки и букеты.
Я еще как в детстве веселюсь,
Светлый день мой на исходе лета.
День рожденья.

Отступи печаль.

Улыбнитесь солнцу и погода.
В алых облаках земная даль,
На пороге осени природа.
День рожденья.

Радостная грусть.

Промелькнула, в новый день вступаю.
Я гадать о жизни не берусь,
На судьбу надежды возлагая

НОВОЛУНЬЕ

Первый снег растаял,
Вновь былинки в рост.
Месяц ночь оставил
И разрушил мост.
Нет надежд на встречи,
Разошлись пути.
Бродит зимний вечер,
Хочет день найти.

ОСЕННИЕ ДОЖДИ

Утонуло в дождях бабье лето,
В лужах листьев кленовый настой.
Журавли, не дождавшись ответа,
Прокричали вечерней порой.
В каждом клике есть что-то заветное:
«Ждите, я непременно вернусь».

Ветер кружит перо эстафетное
Средь снежинок, как нежную грусть.
Утонуло в дождях бабье лето,
В лужах листьев кленовый настой.
Журавли, передав эстафету,
Растворились вдали за рекой.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Всю ночь осенний дождь
С карнизов шумно капал.
Всю ночь осенний дождь
О чём-то горько плакал.
Сквозь ветра злобный смех
Я слышала стенанья.

Так дождь один за всех

Свершает покаянье.

ОСЕННИЙ ЗАМОРОЗОК

Белым именем утро одето.
Жёлтый лес побелел, как зимой.
Здесь в багряных отливах рассвета
Засверкал солнца луч озорной.
И не стало вдруг инея белого,
И прекрасного блеска парчи,
Лишь по краю пенька индевелого
С важным видом шагают грачи.

ВЕТЕР ОПТИМИСТ

Отряхнули листья тополя,
От тенёт своих освободились.
Убраны и вспаханы поля -
Хорошо за лето потрудились.
Время успокоится от дел.
Осень, подводящая итоги,
На деревья сыплет жёлтый мел,
Пряча в листьях летние дороги.
Тишина срывает жёлтый лист,
Тот ложится на плечо, как другу.
Ветер - бесшабашный оптимист
Укрывает золотом округу.

ЗАРЯ

Встает заря осенним утром,
Раскрасив листья у берёз.
Соседский пёс в порыве мудром
В округу звонкий лай понёс.
Он всех зовёт: «Смотрите, люди,
Кругом такая красота!»
Он так старательно всех будит.
Дела, дела, всё суета!
Оставим их. Ведь быт кромешный
Так бесконечно бесконечен.
А миг осенний или вешний
Неповторимо быстротечен.
Встаёт заря осенним утром,
Раскрасив листья у берёз,
Вся жизнь идёт в законе мудром,
Ты видно знаешь это, пёс.

• В город приехала «радуга»

Владимир Львов

Душа наполнена тоской
И лишена покоя.
В глуби губернии Тверской
Местечко есть такое,

Где в светлый праздник
Рождества

Метели нас хлестали,
Где мы с библейского листа
Молитовку шептали,

Негоромко славили Христа,
Стеснительно просили,
Чтоб эти дикие места
Снега не заносили,

Как говорится, с головой,
Хотя бы пусть по пояс,
Чтоб этот ярый ветра вой,
Несущийся, как поезд,

Стучащий ставнями избы,
Как на сугробных стыках
Не знаю чем унялся бы
В нас, русских горемыках,
Чтоб утвердился в них покой,
Уставших от покоя...
В глуби губернии Тверской
Местечко есть такое.

ЗА МАЛИНОЙ

Пахнет медведем ельник.
Мутят ручей мальки.
А впереди горельник –
Мёртвые угольки.

Но, подбираясь ближе
Через ежи коряг,
Перед собою вижу
Тлеющий малинник.

Быстро набрав посуду,
Чинно несущи домой,
Чтобы лечить простуду
Осенью и зимой.

Радужною росой
Папоротник отцвёл.
Солнце большой лисой
Смотрит в кладовки сёл,

Где ни замка, ни дверцы,
Где в избытке снедь.
И хорошо на сердце
Так, что нельзя не петь.

* * *

Ах, наестся бы вволю рязани,*
Той, что прячется в нашем лесу
На прадедовой дальней поляне!
Я её в своём сердце несущи.

Хлебца чёрного хочется с сольцей,
Да рубаху надеть изо льна,
Да почаще работать на солнце,
Да любовь пусть была бы сильна!

Зря не тратить единой минутки,
Гнать недоброе, лишнее прочь.
Понимаете, жизнь – это сутки,
И уйдём мы в кромешную ночь.

Зародится другое. Другие.
Лучше, хуже ли будет? – Вопрос.
Дай, Господь, чтобы чувства благие,
В смысле – добрые, день им принёс.

**Рязань – мелкие дикие яблочки*

Фёдор Иванов

Когда не радует перо,
приобретай в рассрочку шпагу
и уходи творить добро
за дом, к ближайшему оврагу.
Руби ватаги лопухов,
на сталь накальвай крапиву, -
не добавляет Бог грехов,
когда войну ведёшь красиво.
Не бойся шрамов на руках,
борщевнику расставь ловушки.
Тому, кто свой поборет страх,
положен бонус от кукушки.
Побудь героем и вернись
под вечер к перьям и бумаге,
и расскажи, как прожил жизнь
дневную, полную отваги.

* * *

Всё на свете приемля с восторгом,
Иногда призадумайся сам:
Раз и вправду мы ходим под Богом,
То, выходит, он ходит по нам?
Оттого ли внезапно на спину
Мне такой опускается груз,
Что я Бога держу половину,
Под которой вот-вот провалюсь.
Оттого ли, считаясь хорошим,
Я ножом провожу по любви,
Что шипованный остров подошвы
В мою голову кто-то вдавил.
Нерасправленных плеч перекаты,
Серой краской по серым глазам...
Неужели мы так виноваты,
Что Господь марширует по нам?

• В город приехала «радуга»

* * *

Упади лицом в кровать,
Спрячь себя под одеялами.
Никому не нужно знать,
Как мы выгядим усталыми.
Как мы выгядим никчемными,
Слабина на слабине.
Ноет старыми качелями
Вечер будничный в окне.

Всё давно завершено.
Приютись у телевизора,
Чтобы вновь язык кино
Наши раны стал зализывать.
Перестрелками, погонями,
Сумасбродствами души.
Раз уж дней своих не поняли,
Поумнеть хоть от чужих.

Грейся, бедный дурачок,
Счастья угольными крошками.
Бог подставит нам плечо,
Если справимся с подножками.
Ничего, что раздраконились
Там, за шторами, шторма, -
За ночь светлую оконюпись
Для тебя создаст зима.

Иван Демидов

ВРЕМЯ

Я открываю календарь:
Уже июнь, а не январь,
Что был как будто бы вчера,
Но жизнь – волшебная игра,
И тенью прожитого дня
Сочится время сквозь меня,
Сквозь суету и груду дел,
Сквозь то, что смог и, что хотел.
В обмен на юность, без следа
Уходит время в никуда
И, продолжая свой полет,
Другую молодость найдет,
Чтоб тоже выпить всю до дна.
Ему плевать, что жизнь – одна,
Что в мире нет её ценней.
У Бога много-много дней...

БОЛЬ МОЯ

*Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?*

А.Твардовский

Все смешалось: боль и грусть,
Серость, сырость, грязь и слякоть.
Я в себе не разберусь:
Морды бить или заплакать?

От бессилья своего
И от ярости немею.
Как дожили до того,
Что разрушили «Расею»?!

Продавая нефть и газ,
Совість продали в придачу,
И докуда видит глаз -
Сорняки, кусты и дачи.

Прорастает сорный лес
Там, где рожь росла с гречихой,
И под тяжестью небес
Мрачно, траурно и тихо.

Ни горластых петухов,
Ни коровьего мычання.
Ощущение оков
И приметы одичання.

Ни коней, ни тракторов...
Жизни высший смысл утерян.
Лишь войны заросший ров
Остается правде верен.

Кто за Родину готов
Жизнь отдать – таких немного.
Колокольни – без крестов,
И тупик в конце дороги.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ВЕСНА

Срываю сознания шторы:
Мне рифма тесна и мала.
Зовут голубые просторы,
Несется, вращаясь, Земля.

Она повернулась на лето,
И мир опьяняюще нов.
В потоках волшебного света
Нисходит на Землю любовь.

Восторг вырастает до крика,
В нем солнца горит аметист,
И снег от сияющих бликов
Колоч и алмазно-искрист!

• Такая разная разлука
Игорь Столяров

г. Нелидово

...Где-то там без меня засыпает Твоё
Полуночество.
Запах снов этой ночью березов, соснов и
ольхов.
Отчего-то сегодня к тебе так особенно
хочется –

До глубин, до смятения, до обнаженья стихов.
Золотая пора над руинами лета бессильного,
Травный шелест примят наступленьем осенних примет...
Мне б дожить до утра, до дрожащего сердца мобильного,
До звучащего в нем долгожданного слова: «Привет!»...

Владимир Юринов

г. Андреаполь

Опасность! Барометр упал – назревает тайфун:
провалены явки, раскрыты пароли и коды.
Продрогший ноябрь запивает портвейном икоту.
И всё беспокойней бормочут скелеты в шкафу.
А ты не со мной! Мы сыграли с тобой в контрапункт.
И ты не поймёшь по едва уловимым приметам –
твой «милый шпион» пробирается с холода в лето,
но снова и снова теряет под снегом тропу.
Ишейками ветры снуют вдоль закрытых границ,
ещё поворот – и дойдёт до стрельбы и погони.
А я так устал, я уже насмотрелся агоний
оторванных листьев, что падают навзничь и ниц.
Родная, не спи! Сквозь морзянки тревожную вязь
услышь мои «сосы», «мейдеи», «алярмы», «авралы»!
Поверь, «...никогда Штирлиц не был так близок к
провалу».
Пойми, мне, как воздух, нужна двусторонняя связь!..

Последняя явка. Чужбина – взведённым ружьём.
Сквозь сети антенн осторожно крадётся Венера.
Я, слушая небо, тугие вращаю верньеры.
И чуткой овчаркой спит ночь на пороге моём...

Маргарита Петрова

г. Андреаполь

Из подземелья памяти моей
ты то и дело просишься на волю.
Внезапно с позабытой старой болью
всплываешь тенью слабой у дверей.

Ошибся кто нечаянным звонком –
его «Привет» с твоею хрипотцою,
а этот цедит чай, как ты, с ленцою,
и шарф на том прохожем так знаком.

Зачем тебе такие номера?
Ведь я тебя сама не вызывала.
Ты том забытый с книжного развала.
Давно прочтён. Ты даже не «вчера».

Зачем тебе такие номера?

Наталья Сергеева

г. Нелидово

Чужая женщина вошла в наш дом,
Сминала накрахмаленную простынь.
Мне стало всё равно, что было после,
Раз ты перешагнул, всё то, что до.
А после отупенье, осознание
И поиски причин в самой себе.
И сны дурные, как воспоминанья,
Как акт моей покорности судьбе.
Разбита в щепки лодка и ячейка,
Кольцо в шкатулке, в паспорте печать.
И плакать не даёт мобильный чей-то,
А хочется от боли закричать.
Впустую годы, в черноте недели.
Не до работы и заброшен быт.
Нельзя погибнуть, потому что дети,
Жить нереально – очень уж болит.
Но знаешь, я теперь совсем свободна,
Готовлю плов, ещё пишу стихи.
И заведу роман, как нынче модно,
А простынь ту я порвала в куски.

Владимир Горюнов

г. Санкт-Петербург – д. Луги

РАСПОРЯДОК ДНЯ

ПОДЪЁМ!!! Проснулся и глаза открыл.
И снова мысли о тебе бегут по кругу.
Нет, ничего я за ночь не забыл,
Всё так же проклиная я разлуку.

Стоит преподаватель у доски,
И сложную зависимость выводит.
А сердце моё рвётся от тоски,
Душа волнуется и места не находит.

Открыл конспект, глаза не видят формул,
И ручка вместо интегралов пишет стих.
Прочёл урок раз десять - не запомнил,
Ошибся в вычислениях простых.

И каждый миг всё ты перед глазами,
И целый день душа полна тобой.
И буду заполнять блокнот стихами,
Пока не прозвучит: ОТБОЙ!!!

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

ОБ ЭНДЕМИКАХ

«Где-то багульник на сопках цветёт, кедры вонзаются в небо...» – пелось в популярной песенке 80-х годов. Ничего не скажу за кедры, но багульник на наших сопках цвёл исправно.

«Фи!.. – воскликнет подкованный в ботаническом отношении читатель. – Тоже мне невидаль! Багульник! Да он чуть ли не по всей Сибири цветёт! И в Забайкалье! Не говоря уже о Дальнем Востоке. Какой же это эндемик?!.. Да и не багульник это вовсе! Это – рододендрон!..» Прав, опять во всём прав уважаемый читатель. Действительно, не багульник, а рододендрон. И действительно, растёт от Урала и до Сихотэ-Алиня. Прав подкованный читатель, но и... опять немножечко не прав. В самом деле, если подходить со строго научной точки зрения, то сибирско-дальневосточный «багульник», хоть и является представителем того же семейства вересковых, что и багульник обычный, повсеместно произрастающий в умеренном и субарктическом поясах северного полушария, но относится он к совсем другому роду растений, именуемых в ботанике рододендронами. Но расскажите об этом любому сибиряку или дальневосточнику. Да он просто рассмеётся вам в лицо. «Сам ты... рододендрон!..» – скажет этот самый сибиряк-дальневосточник и будет, конечно же, прав. Ибо наука наукой, а традиция традицией. И если мама этого сибиряка-дальневосточника называла багульник багульником, и мама его мамы называла, и все его предки до энного поколения, до великих первопроходцев – Ермака Тимофеевича и Ерофея Павловича, его так называли, то грех ему, сибиряку-дальневосточнику, называть его как-то иначе. И опять же, «Где-то рододендрон на сопках цветёт...» – явно в строку не лезет, – из песни ведь, как известно, слово не выкинешь. Поэтому и автор не станет выкидывать из песни слова и будет называть багульник так, как привык, – багульником.

Что же касается эндемичности орловского багульника, то тут, как говорится, – руки прочь! Орловский багульник заметно отличался от всех остальных представителей этого рода растений, какие только довелось повидать автору. Это был не стелющийся по земле, анемичный сибирский багульник. И не с трудом достающий человеку до пояса, цветущий одиночными цветками, багульник забайкальский. Это был мощный – более двух метров в высоту – кустарник, цветущий огромными лиловыми соцветиями по несколько цветков, собранных на концах молодых побегов. Да и сами цветки были большими – диаметром с медный «пятак». Автор даже не поленился порыться в справочниках и в конце концов выяснил, что глаз жителей Орловки своим буйным цветением радовал не кто иной, а «Рододендрон остроконечный (*Rhododendron mucronulatum*)», встречающийся ещё на территории России только на самом юге Приморья.

А как он радовал глаз! Ах, как радовал! Багульник зацвел в середине апреля, когда в заснеженном лесу ещё только появлялись первые тёмные проплешины, и цвёл почти до середины мая, до молодых зелёных листочков. В пик его цветения казалось, что это – густой лиловый туман стелется под кронами сосен по ещё совершенно пустому гулкому зимнему лесу. Какими красивыми казались эти первые весенние цветы! Как отдыхал на них глаз после почти семимесячного зимнего бесцветья!

Было у багульника и ещё одно замечательное свойство. Назовём его жизнелюбием. Всякий житель Орловки знал, что если в замороженном насквозь, мёртвом зимнем лесу наломать веточки багульника и, принеся домой, поставить их в воду, то дней через семь-десять на веточках набухнут почки, из которых ещё через несколько дней распустятся прекрасные лиловые цветы. Так что, несмотря на глушь, даль и полное отсутствие в округе цветочных магазинов, каждой женщине в Орловке был гарантирован на 8 марта замечательный лиловый букет. Разумеется, если у женщины этой был любящий и заботливый мужчина.

Автор, помнится, лично отсылал своей тогда ещё невесте в далёкий белорусский город Гомель маленькую бандерольку с красноватыми веточками багульника и подробной инструкцией – что и как с ними надо делать. И любимая, совершенно неожиданно для себя, получила на 8 марта чудесный весенний букет от своего, заброшенного судьбой на край света, жениха.

(продолжение на стр.12)

(начало на стр.11).

Ну и, в качестве дополнения, ещё один маленький штришок. Цветы багульника вполне съедобные – чуть сладковатые на вкус. Орловские женщины иногда украшали ими выпекаемые к майским праздникам торты или своеобразные сладкие рисовые оладьи – «хваджон», рецепт которых забрёл на российский Дальний Восток, судя по названию, из соседней Кореи.

Ещё одним замечательным орловским эндемиком были цветы «Венерин башмачок». И, опережая настырного всезнайку-читателя, я сразу же уточню: это был не тот рядовой «башмачок», что цветёт чуть ли не под каждым забором мелкими жёлтыми или бледно-розовыми цветами по всей России с мая по июль. Это был удивительно красивый, благородной расцветки – сдержанно-лиловый с белыми прожилками – цветок размером с фалангу большого пальца взрослого человека. И запах у этого цветка был под стать его виду – тонкий, нежный, изысканный. Как опять же не поленился выяснить трудолюбивый автор, цветок этот по-научному называется «Башмачок Франше» – редчайшее, вымирающее растение семейства орхидных, одна из разновидностей «Венериного башмачка», занесённая во все мыслимые и немыслимые «Красные книги», причём как в российские, так и в международные.

Так вот, этот самый, редчайший «Башмачок Франше» слыл в Орловке чуть ли не сорным растением. Его было так много, что при желании его можно было косить на корм коровам. В пору его цветения – в июне – «башмачок» рвали целыми охапками и дарили любимым женщинам в виде огромных рассыпающихся, головокружительно пахнущих букетов. Увы, букеты эти были очень недолговечны – сорванные «башмачки» стояли в воде не больше суток. Поэтому большинство орловских женщин предпочитало не столь элегантные, но зато гораздо более практичные и тоже достаточно яркие «тигровые лилии».

Теперь от мира растительного перейдём к миру животных. Тут орловской «фишкой» были чёрные белки. Самые обыкновенные белки, каковых по всей России, да что там по России – по всему миру, пруд пруди, но необыкновенного – насыщенно-антрацитового цвета. Выглядели они, особенно на белом снегу, очень элегантно, я бы даже сказал – аристократично.

А объяснялся столь непривычный окрас привычной для нас белки очень просто. Как я уже говорил, климат в Орловке был очень сухой. Поэтому неизменно раз в два-три года в окрестностях Орловки случались лесные пожары. Пожары были низовые, выгорал только подлесок, стволы сосен обгорали и чернели до высоты одного-двух метров. Вот на этих-то почерневших от пожаров пространствах и вывелась со временем такая удивительная порода белок-«аристократок».

Автор вполне допускает, что где-нибудь на необъятных просторах России существуют и другие места, где в схожих условиях – на постоянно обновляемых пожарищах – тоже живут похожие на орловских, чёрные белки. Но ему, автору, в таких местах бывать не приходилось и белок-«аристократок» он встречал только в Орловке.

Кстати, с этими чёрными белками, точнее, с одной из них, у автора связано небольшое, но весьма неординарное происшествие.

Однажды, где-то в конце сентября, я выполнял свою обычную утреннюю пробежку. Утро было раннее, солнце ещё не взошло и в лесу, по которому пролегла тропа, было свежо и сумрачно. Пробежка только началась, я был ещё совсем вялым, сонным, моё состояние на тот момент вполне подходило под расхожую шутливую формулировку: поднять – подняли, а разбудить – забыли. Я бежал, опустив голову, глядя себе под ноги, лишь время от времени поднимая глаза, чтобы взглянуть на тропу. И вот, в очередной раз посмотрев вперёд, я метрах в пятидесяти от себя, на перегибе тропинки, увидел... чёрта!

Да-да, самого настоящего чёрта! Было бы намного проще, если бы я накануне пил. Но это всё произошло посреди лётной недели. Я был до безобразия трезв, и чертям в моей жизни взяться было решительно неоткуда. И тем не менее на тропинке передо мной во всей своей красе стоял Нечистый.

Чёрт был, как чёрт, классический, из книжек: чёрный, под два метра ростом, коротконогий, с мощными покатыми плечами и длинными, свисающими почти до колен, руками, заканчивающимися огромными кулачищами. Голову чёрта, как это и положено, увенчивали рога.

(продолжение на стр.13).

(начало на стр. 11-12).

Тоже классической формы – короткие, толстые у основания, с загнутыми навстречу друг другу острями.

В следующие полсекунды я: а) окончательно проснулся; б) покрылся с ног до головы холодным потом; в) вспомнил всю свою прошедшую никчемную жизнь; и г) усомнился в своём марксистско-ленинском материалистическом мировоззрении. А через полсекунды зрение моё сфокусировалось и я понял, что до «чёрта» не пятьдесят метров, а от силы десять, и что не чёрт это вовсе с рогами, а маленькая чёрная белочка с острыми ушками, стоящая на тропе на задних лапках и с не меньшим испугом глядящая на меня. Затем картинка ожила. Белка метнулась с тропы, повернувшись ко мне в профиль и показав на мгновение свой пушистый хвост, и, что-то чирикнув, взлетела по стволу ближайшей сосны. Я, пробежав по инерции ещё несколько шагов, остановился и, задрав голову, посмотрел вверх. В сосновых ветках слышалась возня, оттуда сыпался мелкий древесный мусор, но самой белки видно не было. Я вдруг понял, что на сегодня набегался. Погрозив невидимой белке кулаком, я развернулся и устало – нога за ногу – побрёл домой, ощущая, как высыхает между лопатками противный холодный пот, периодически оглядываясь и настороженно прислушиваясь к звукам просыпающегося леса...

– О! – выглянув из кухни, удивилась жена. – Ты чего так рано? – а потом, приглядевшись ко мне, спросила: – Что-нибудь случилось? – она всегда была чуткой женщиной.

– Да так... – попытался отделаться я шуткой. – Белочка приходила...

Ну и, конечно, говоря об эндемиках, нельзя не упомянуть о рыбке с говорящим названием – «ротан».

Это сейчас ротан, он же «амурский бычок», благодаря своей всеядности и неприхотливости, заполнил всё на свете и стал чуть ли не бичом на многих российских озёрах и постоянной головной болью рыбозаводчиков. А было время, когда «амурский бычок», в полном соответствии со своим названием, водился исключительно в бассейне реки Амур. Пришла же в чью-то «светлую» голову мысль завезти его в Европу! Завезти-то было легко, а вот теперь попробуй вывести! Ротан очень хорошо освоился в европейских водоёмах. Он жрёт всё, до чего может дотянуться и медленно, но неуклонно вытесняет аборигенные виды рыб. Конечно, маленький ротан не может потягаться в открытом бою с окунем, а тем более со щукой. Но ему этого и не надо. Он жрёт щучью икру, пожирает окунёвых мальков и, в виду своей плодовитости и «неубиваемости», постепенно одерживает верх в конкурентной борьбе с любыми другими рыбами-хищниками.

В окрестностях Орловки ротаны жили, казалось, в каждой луже. Они были столь повсеместны и столь многочисленны, что вся Амурская область с лёгкой руки орловских жителей получила своё второе – неофициальное – название: Амурская Ротания.

Описывать ротана просто: это – большой рот, переходящий в маленький хвост. То есть, имя говорит само за себя. Мозгов у этой рыбки нет, зато всегда есть волчий аппетит. Любой рыбак может подтвердить: ротан, когда голоден, бросается даже на пустой крючок. А голоден он почти всегда. Ротан жаден. Он заглатывает крючок, как говорят рыбаки, «до самой задницы», и доставать потом этот крючок – дело долгое и муторное. Рыбаки не любят ротана ещё и по этой причине.

Но, прежде всего, ведя разговор о ротане, необходимо упомянуть о его наиглавнейшем качестве...

О ЖИЗНЕЛЮБИИ

Термин «жизнелюбие» совсем недавно уже появлялся на страницах нашего повествования. А именно – в рассказе о багульнике. Вообще, жизнелюбие, на мой взгляд, является основной отличительной чертой практически всех обитателей суровых для проживания мест, к числу которых, безусловно, относилась и Орловка. А как же иначе? Ведь по-другому в тех краях просто не выжить.

В этой связи мне сразу вспоминается один из первых дней моего пребывания на орловской земле.

В ожидании машины для отъезда с аэродрома, мы топтались на «пятаке», согреваясь на тридцатиградусном морозе притопыванием, прихлопыванием и весёлым анекдотным трёпом. И тут я обратил внимание на маленьких птичек, смело шныряющих у людей под ногами и подбирающих со снега какие-то крошки и семечную шелуху. На вид птички были очень похожи на обыкновенных воробьёв, но были чёрными, как смоль.

– Это что же за птицы такие? – спросил я одного из старожил.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 11-13)

– Воробьи, – удивлённо ответил он. – Ты что же, воробьёв никогда не видел?
– Воробьи?! – в свою очередь удивился я. – А чего ж они такие... негры?
– А-а... – понял старожил. – Это они только теперь, зимой, негры. Летом они вполне обыкновенные. А сейчас они чёрные, потому что в трубах живут.

– В каких ещё трубах?
– В обыкновенных, дымовых. Да вон – смотри! – и старожил показал мне на дымящую трубу расположенного неподалёку домика КДП (командно-диспетчерского пункта).

Я посмотрел и увидел. Из трубы вместе с густыми клубами чёрного дыма вылетел... воробей. Вырвавшись из дымного облака, он круто спланировал вниз и как ни в чём не бывало запрыгал в ногах у людей, выискивая, чем бы поживиться. Другой воробей, как будто ждавший, что место освободится, сейчас же подлетел к трубе и, на несколько секунд зависнув, нырнул прямо в «жерло вулкана».

– Когда печь топится, они только погреться туда залетают, ненадолго, – пояснил старожил. – А когда всё прогорит, в промежутках между топками, они и поспать туда забираются. Дверцу печки утром откроешь, а их там – гроздьями, как летучих мышей. Шуганёшь, так они из трубы пачками, как шрапнель, вылетают. В здешних краях никто никогда трубы не чистит – воробьи за трубочистов работают. Потому и выглядят так...

Я круглыми, но уважительными глазами смотрел на шныряющих под ногами «трубочистов». И если бы фильм «Особенности национальной охоты» вышел на экраны лет на пятнадцать раньше, я б ещё тогда, в далёком 84-м году, сказал ставшую впоследствии знаменитой фразу: «Жить захочешь – не так раскорячишься!..».

Но вернёмся к нашим ротанам.

Ротан отличается удивительным, я бы даже сказал – показательным, жизнелюбием. Он может жить в любой, даже самой вонючей, луже. Он спокойно зимует в промерзающих до дна водоёмах. У него удивительная способность к регенерации – ротан восстанавливается после тяжелейших травм. Даже будучи выпотрошенным, ротан живёт в воде ещё несколько часов. Вытащенный на берег ротан «засыпает» и может оставаться в таком состоянии очень долго. Особенно при низкой температуре. Даже после двух суток пребывания на воздухе брошенный в воду ротан быстро оживает и «делает ноги». А способность этой рыбки длительное время обходиться без еды – просто поразительна.

Однажды один наш сослуживец – заядлый рыбак – поймал как-то мимоходом в какой-то луже двух ротанов. Ну что за улов?! Две рыбёшки размером с ладонь – ни уха сварить, ни зажарить. Решил он с готовкой рыбы не торопиться, а на следующий день подловить к ним вдобавок чего-нибудь ещё. Тогда уже и предаться гастрономическим утехам.

Рыбки, за неимением другой подходящей ёмкости, были определены в туалетный смывной бачок. Ну вот так повернулась мысль в голове у нашего сослуживца. И действительно, не в кастрюле же их держать! Кастрюля у него была одна, она и для других каких целей могла пригодиться. А тут: вода проточная, крышка сверху чугунная – не сбегут. Да и ненадолго ведь – всего-то до завтра.

Но назавтра рыбака нашего засунули в наряд, потом были полёты, потом ещё какая-то служебная чехарда. А потом его выгнали в отпуск.

Я уже говорил, что отпуск в армии по своей неожиданности схож с падением метеорита. Так вот, наш, ударенный по всей голове «метеоритом», служивый, естественно, сразу и напрочь забыл о заточённых им в сливной бачок пленниках и, похватав вещи, спешно умчался на «большую землю».

Было это в конце лета. Отпуск у лётчиков длинный. Вместе с дорогой у нашего рыбака набралось порядка пятидесяти суток. Так что вернулся он в Орловку где-то в середине октября.

Вернулся он не один. С женой. Пока муж распаковывал чемоданы, его супруга решила посетить с дороги туалет. Ну, дело-то, сами понимаете, житейское. Сделав в туалете всё, что хотела, ничего не подозревающая женщина, дёрнув за верёвочку, спустила воду в унитазе. И тут прямо за её спиной что-то шумно забило! С визгом, чуть не вынеся на себе дверь, жена вылетела из туалета и, примчавшись в комнату к мужу, чётко и внятно – по-военному – доложила:

– В туалете!!!.. У нас!!!.. Шевелится!!!.. Кто-то!!!.. Там!!!..

– Кто, где шевелится? – не понял муж.

– Ты что, дурак?! – сразу же перешла на личность жена. – Я говорю, у нас в туалете в смывном бачке кто-то шевелится!

(продолжение на стр. 15))

(начало на стр. 11-14)

– Перестань, – попытался успокоить перепуганную женщину супруг, – ну кто может шевелиться в смывном ба... – и осёкся. Он вспомнил!..

Ротаны были извлечены из бачка и помещены в кастрюлю с водой. Супруги, сдвинув головы, с изумлением рассматривали рыбок, два месяца проводивших без крошки еды, в абсолютной темноте, и тем не менее живых и, похоже, вполне здоровых.

– Ладно... – в конце концов сказал муж. – Завтра я им кого-нибудь поймаю. В довесок. Тогда и зажарим.

Но жена имела на рыбок собственные планы. Она решила отомстить ротанам за свой испуг. Ночью она, покинув супружеское ложе, прокралась на кухню и, отнеся кастрюлю с ротанами в туалет, спустила жутких рыбин в унитаз. Страшнее казни для ротанов придумать было нельзя! Помнится, в своё время одна известная гражданочка тоже хотела казнить залетевшего к ней в комнату голубя, безжалостно сбросив его с пятого этажа.

Уверен, в окрестностях Орловки до сих пор живут потомки тех ротанов, из уст в уста, из поколения в поколение передавая легенду о двух героических «узниках Чугунной Башни», хитростью и тонким расчётом обманувших своих стражников и сбежавших из плена по сложной системе труб и подземных водоёмов.

Удивительные примеры жизнелюбия демонстрировали в Орловке не только дикие животные, но и домашние питомцы. Показательной в этом отношении является следующая история.

Старший лейтенант З. был отправлен в отпуск. Состояние человека, внезапно отправленного в отпуск из Орловки, двояко: с одной стороны, оно напоминает состояние счастливого, выигравшего в лотерею миллион, а с другой, – состояние несчастного, узнавшего, что у него пусть и не смертельная, но совершенно неизлечимая болезнь. То есть на душе вроде как бы и радостно, праздник, но, ребята, это ведь такой геморрой! Эта двоякость всякий раз порождала у личного состава массу эмоционально-личностных проблем и тяжело воздействовала на неокрепшую психику. В общем, назвать орловского отпускника вполне вменяемым человеком у автора как-то не поворачивается язык.

Старлей примчался с работы домой и «обрадовал» новостью жену. В квартире сразу же началось нечто среднее между паникой на валютной бирже и корабельным авралом. Спустя пару часов супруги с чемоданами наперевес уже бежали к автобусной остановке.

Надо сказать, что в этот раз дорожные боги как будто благоволили отпускной парочке: автобус не пришлось ждать слишком долго; в Серышево, на станции, поезд уже стоял у перрона, как бы поджидая супругов; даже в Хабаровске, в аэропорту, несмотря на летний отпускной сезон, удалось неожиданно быстро взять билеты на самолёт – на только что назначенный дополнительный рейс.

И только уже в самолёте, на высоте одиннадцати с половиной километров, отстегнув привязной ремень, чтобы поудобнее устроиться в кресле, жена старшего лейтенанта неожиданно вспомнила... что они забыли дома, в запертой квартире, кота! Забыли своего любимого пушистого домочадца Филю, которого они с мужем договорились оставить на время отпуска соседям! Причём отнести кота соседке жена должна была сама, но вот ведь, забегалась, закрутилась – чёртов отпуск!.. чёртова спешка!.. бедный, бедный Филя!.. Боги в очередной раз продемонстрировали человеку своё ехидство и коварство.

Если вы смотрели фильм «Один дома», то тогда вам знакома последовавшая за этим душераздирающая сцена. Единственным отличием нашей истории от американского фильма об оставленном дома ребёнке было то, что героиня фильма кричала «Кевин!!!..» и падала после этого в обморок, а наша героиня кричала «Филя!!!..» и пыталась захватить самолёт. Во всём остальном поведение двух женщин совпадало даже в деталях.

По прилёте в Домодедово супруги, даже ещё не получив багаж, кинулись к кассам, чтобы взять обратные билеты и – скорее! скорее! не теряя ни секунды! – лететь назад, спасти своего, попавшего в беду, несчастного котейку.

(продолжение следует).

Надежда Салунина

д. Любино – г. С.-Петербург

В этом году в Санкт-Петербурге вышла книга нашей землячки Надежды Салуниной.

«Светлячок» уже рассказывал об этом авторе и знакомил читателей с её стихами.

По традиции 16-й страницы мы представляем сегодня такие из них, которые помогут вам взглянуть с улыбкой на любые жизненные ситуации:

НОВЫЕ РУССКИЕ

Мне сказал мой старик: «Почему же Новым русским почёт и хвала?

Ну а мы-то с тобой разве хуже,
А житуха, как сажа бела!»

И на кухне чаёк распивая,
Мы вопрос начинаем решать,
Как и нам, всех вокруг удивляя,
Тоже новыми русскими стать.

Вмиг спецовочку мы починили,
Приспособили фирменный знак,
Перекрасили, плечи подшили –
Получился бордовый пиджак!

Я на кофточку блёстки нашила,
Засияла, как солнечный свет,
Кружевами все дыры прикрыла –
Получился вечерний жакет!

С антресолей тележку достали
С сумкой старою цвета небес,
И на сумке на той написали
Краской белою: «Наш Мерседес!»

Нарядившись, пройдемся немножко,
«Мерседес» свой ведём впереди.
Весь народ подбегает к окошкам,
Телевизор никто не глядит.

Нас на Охте теперь уважают,
Говорят, с нами жить веселей.
И к тому же ещё утверждают,
Что мы всех новых русских новей!

Ну а если взгрустнётся, бывает,
Иль до пенсии денег в обрез –
Я блестящий жакет надеваю:
«Ну-ка, дед, заводи «Мерседес!»»

КЛЮШКА И КОСТЫЛЬ

У Невы я однажды стояла,
Как всегда любовалась Невой.
Голос вдруг за спиной услышала:
«Вам случайно не скучно одной?»

Я ответила – нет, не скучаю,
Замечательно, если одна
Постою, помолчу, помечтаю
А компания мне не нужна.

«Вы не правы, сударыня, очень,
Принцип мой, безусловно, иной –
Любоваться Невой, между прочим,
Интересней, обнявшись со мной».

Возмущённая я повернулась,
Чтобы вольность его отчитать,
Но в такой добрый взгляд окунулась,
Что смогла только лишь прошептать:

«Я одета уже не по моде,
Да болезни и возраст учтём,
И зовут меня «клюшкой» в народе».
Он сказал: «А меня костылём!»

Аргумент был прекрасным и нужным,
Мы, как дети, смеялись тогда.
С той поры началась наша дружба,
И, надеюсь, уже навсегда!

Жить мне стало куда интересней,
Погуляем, в кино завернём,
Да послушаем новые песни,
А, бывает, и наши споём.

Пусть мне срок отсчитала кукушка,
Но спешу я к Неве, если штиль.
Слышу вновь: «Здравствуй, милая клюшка!»
Отвечаю: «Привет, мой костыль!»

Внимание: конкурс «ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

Роден – творец любовных поз
От зависти бы в землю врос,
Когда б увидел в огороде
Огонь и страсть морковной
плоти.

Примечание: Франсуа Огюст

Рене РОДЕН – французский скульптор, автор работ "Вечная весна", "Поцелуй", "Вечный идол", "Ромео и Джульетта" и проч.

Светлана Виноградова
г. Нелидово

Работы присылать в электронном варианте по адресу: andkniga@andreapol.tver.ru или присылайте рукописи по адресу:

г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;
или приносите в районную библиотеку.